

Из письма сочинского психотерапевта, члена ППЛ, Людмилы Васильевны Черниковой – М. Е. Бурно.

«...Вы знаете, я хожу на наше местное кладбище, где похоронена моя мама, и увидела там стелу со знакомой фамилией: «Мелодиев Анатолий Александрович». Дата рождения. Дата смерти. И – прочерк. А в этом прочерке, в этом тире, – целая жизнь, в которой он был сыном, отцом, мужем, гражданином. И ещё – прекрасным психотерапевтом. Мне стало больно за это пустое, безжалостное тире. И вот такой статьёй я решила очень скромно «заполнить этот пробел». <...> Сын психотерапевта А. А. Мелодиева продолжает замечательное дело отца – быть доктором по имени Жизнь».

ДОКТОР ПО ИМЕНИ ЖИЗНЬ (к истории психотерапии в г. Сочи)

Именно так называют благодарные пациенты врача, которые дарят им жизнь. Это может быть хирург, офтальмолог, травматолог. И нередко это – психотерапевт. Деликатно вмешиваясь в высшую сферу человеческой личности, он корректирует ее, меняет, дает ей установку, обрывает попытку человека покончить с собой.

Вот примеры.

Володю Н., угрюмого 15-летнего подростка, привела ко мне мама, которая в одиночку воспитывала двух сыновей, избавившись от алкоголика-мужа. После доверительной беседы Володя признался мне «по большому секрету от мамы», что задумал прервать свою жизнь, которая ему смертельно надоела. И рассказал свою очень горькую историю. В первом классе с ним случился конфуз по вине учительницы, которая не отпустила его по большой надобности в туалет. Он испытал страшное для малыша унижение. Стал после этого бояться повторения конфуза и много раз за урок «на всякий случай» отпрашивался в туалет при малейшем дискомфорте в кишечнике. Его отправили на консультацию к невропатологу, который, не сомневаясь, не расспросив ни о чем, огульно поставил диагноз: «Дневное недержание кала». Об этом стало известно школьному врачу, учителям и, конечно же, детям. Мальчик стал изгоем. Замкнулся в себе, озлобился, возненавидел школу. И пришел, вернее, его привели к мысли, что такая жизнь, как у него не имеет смысла. Вот таким он и пришел ко мне. Я провела ему индивидуальную психотерапию, внушила, что это – всего-навсего нелепая диагностическая ошибка, объяснила механизм возникновения его невроза, посоветовала матери устроить сына в вечернюю школу и определить на дневные курсы для обучения профессии телемастера. Все закончилось хорошо, а ведь эта молодая жизнь могла так нелепо оборваться...

На прием ко мне привели женщину с острой психогенной реакцией прямо из здания суда, где осудили ее единственного сына на длительный тюремный срок. Услышав приговор, она побежала бросаться под поезд. Ее вовремя остановили, она прошла курс индивидуальной психотерапии.

Жива до сих пор, благополучно работает, ждет из тюрьмы сына. Хотя жизнь ее по понятным причинам безрадостна, но она жива.

В третьем случае женщина, которую бросил муж, пыталась отравиться, поскольку не представляла без него жизни. После индивидуальной психотерапии она критически стала относиться к своему состоянию, анализировала свою проблему. Стала веселой, благополучной и через два года к ней вернулся муж.

Таких случаев у каждого психотерапевта – немало. Скольких людей удалось психотерапевтически остановить у самой черты, у самой бездны!

Понятно, для того чтобы быть психотерапевтом по имени Жизнь, надо быть профессионалом, умным, милосердным, честным, деликатным, эрудированным. Обладать аналитическим складом ума. И артистизм обязательно должен присутствовать. Психотерапевт просто обязан знать жизнь, иначе не сможет разговаривать с пациентами на понятном им языке: а язык этот разный с ребенком, с взрослым, с женщиной, малышом, с мужчиной. Разные понятия, различный менталитет, разный уровень образованности. И для исполнения этой сложной роли психотерапевта еще много таких «должен» и «обязан». Как правило, психотерапевт – личность творческая, потому что каждый клинический случай требует индивидуального решения, находки, экспромта.

Мне очень повезло, потому что именно такие психотерапевты-виртуозы, мастера своего дела мне повстречались. Я хочу написать о некоторых из них, о тех, чье мастерство уважала, кем восхищалась, кто поразил меня, кто помог мне в трудную минуту словом или делом и кого считаю своими учителями.

Зарождение психотерапевтической помощи в г. Сочи началось в 60–70-е годы прошлого столетия. Важность и необходимость широкой психотерапии у нас продиктовала сама жизнь. Этого требовал статус города-курорта, «всесоюзной здравницы», международного курорта. Этот статус обязывал ко многому и требовал «соответствовать». Это хорошо понимали руководители курортного дела. Особенно поддерживал, пропагандировал и одобрял это «психотерапевтическое направление» умнейший и очень прозорливый главный терапевт Совета Курорта Лев Залманович Стернинсон.

и активизацией суперресурсных инстанций психического. Другой, поверхностный или технический уровень терапевтической коммуникации, реализуемый на осознаваемом горизонте, не является строго специфическим для психотерапии, и, в принципе, может быть воспроизведен в рамках любой иной развивающей технологии.

Далее, нами было показано, что сам по себе феномен развития гиперпластических состояний клиента или группы, обозначаемый нами как разлитой терапевтический транс (отличный от индуцированного трансa превосходящей степенью активности и максимальной вовлеченностью осознаваемых инстанций психического, а не только внесознательных суперресурсных инстанций), является естественной характеристикой синергетической стратегии поведения. Механизм разлитого терапевтического трансa автоматически «включается» при неосознаваемом переходе от защитно-конфронтационной стратегии поведения к синергетической. В этом и есть «секрет» удивительного

психотерапевты, по преимуществу, работают с гиперпластическими клиентами. Неквалифицированные терапевты и специалисты из сферы других развивающих практик – зачастую, с «железобетонными» (в смысле наличия сопротивления и неконструктивных психологических защит, выставляемых неосознаваемой защитно-конфронтационной стратегией поведения на фасад личности) пациентами-клиентами. Удивительно то, что ясным сигналом к переключению глубинных поведенческих стратегий и состояний устойчивости – пластики являются отнюдь не внешние признаки безопасности, комфорта и т. д., а специфические качества профессионала, которые Карл Витакер обозначил как «прописка личности в бессознательном», а Карл Густав Юнг – как «жизнь в обнимку с собственной душой». В этих многозначительных определениях мы видим портреты специалистов, переживших «конец того и этого света», и наполненных новым, привлекательным качеством целостности, различимым издалека.